

[Л.346]

Стенограмма воспоминаний Стороженко Андрея Федоровича из села Комаровка, Корсунь-Шевченковского р-на.

Стенограмму вел научный сотрудник Комиссии по истории Отечественной войны в Украине при АН УССР тов. Погребинский.

Стенографировала – Несчетная.

21.VII-46 г.

Я родился в 1880 г. в с. Комаровка. Работал с 1930 г. и до начала войны помощником счетовода колхоза «Советская мысль». Когда началась война под моей ответственностью находилась шнурованная книга колхоза и государственный акт на вечное пользование землей колхоза «Советская мысль».

Когда немцы пришли в село, и мы увидели, что это уже действительно, а не какая-нибудь ложь, я, считая себя ответственным за состояние бумаг колхоза, обращаясь к ребятам, сказал, что давайте спрячем все оставленное в сундуке. Они со мной не соглашались. Тогда я решил сам, как бы то ни было, что надо сохранить для колхоза эти важнейшие документы. Все время думая только об одном, что красные войска должны снова вернуться к нам.

Я взял шнурованную книгу и акт на владение землей. Все это унес домой. Сначала я спрятал на чердаке под крышей. Тут же я сказал своей жене Федоре Поликарповне, что если меня убьют, а мужчин больше трогали чем женщин, то колхозные книги лежат там. И показал ей где именно. [Л.347] Когда придут наши, чтобы ты отдала им. Но я остался жив и книги на чердаке пролежали всю германскую оккупацию.

У меня несколько раз немцы производили обыск, но книги не находили.

Во времена оккупации сначала я работал в поле, а впоследствии по приказу волостного старшины был забран в контору учетчиком.

Когда впервые пришли красные, а это было в январе 31 числа, то мы уже думали, что немцев больше не будет. Теперь мы увидели, что здесь окружение. Было видно, что в Стеблевке был пожар, а также из других мест доносился грохот. Молодые начали бежать, ну а мы уже, старые, думали одно – умирать, так все равно или в яме, или здесь. Теперь, когда началось приближение немцев во второй раз, боясь, что наши дома погорят, хотел безопаснее спрятать эти книги. И шнурованную книгу, которая была более или менее удобной, решил носить за спиной. А акт закопал в сарае, заложив между досками.

Немцы вторично зашли к нам 13 февраля. Я в то время остался у своей хаты сам, а другие прятались у меня в погребе. И так, немцы пробыли у нас до 17 февраля. В моем доме наши красноармейцы захватили 10 немцев и тут же их всех постреляли.

Носить книгу мне было очень боязно и у меня возникла мысль, что если найдут книгу – обязательно расстреляют.

Семнадцатого вечером пришли наши части в деревню. Но бой еще не закончился. Немцы были восточнее [Л.348] Комаровки, наши наступали из Скрипчинцев, Хильок, Моренцев, Журжинцы. Немцы хотели прорваться через Почепинцы на Лысянку. Из Журжинцев на этой площади били 20 наших катюш, которые наносили немцам хорошего перца.

Была там артиллерия, танки, кавалерия.

Ночью боев не было, но на рассвете снова было сражение. И к середине дня 18 февраля немцев совсем уничтожили.

Прошло, видимо, с недельку.

Красные появились из Лысянского р-на. Сразу же в село Комаровка (это же в наше село) приезжал Сикало, имя и отчество не помню, красный партизан, который установил власть. Устанавливая назначил председателя колхоза, правление колхоза. Но уже немного погодя приезжали к нам из Корсуня. Снова созвали собрание, тут же проверив назначения, сделанные Сикалом. Книги я отдал, когда установилась уже новая власть – наша, советская. Олейник Яков Бакумович, тот, что и был до войны. Он вызвал меня на работу. Я и занял свое место, то есть помощник счетовода колхоза «Советская мысль». Разговор между правлением колхоза слышал, что теперь будет стоять большие деньги, чтобы пригласить человека, который снова сделает это все. В это время уже нужно было сеять.

А при хозяйстве немцев люди имели не то, что при своей власти. Вся земля была перепутана. Приусадебные участки колхозников были тоже не так распределены. Это требовало много средств, чтобы сделать правильное [Л.349] землеустройство. Приусадебные участки, когда уже разделяли наши, были не одинаковые для всех, потому что не было документа, подтверждающего правдивость слов крестьянина. Из-за этого возникали споры. Имевшие до войны по 30 соток говорили совсем другое – 60 соток, а те, кто действительно имел больше, должны были лишиться этого количества, потому что нельзя было так установить без документов.

Вот тогда здесь и документики нужны были. Я их принес председателю колхоза – это была шнурованная книга – и сказал ему: «Видите, вы о ней и забыли, а я ее сохранил».

Радость была велика. Но ведь еще не было государственного акта. Тогда я на другой день приношу им и государственный акт, спрятав его под полкой.

Вот, ребята, есть и акт на владение землей. Здесь была еще большая радость. Ведь это главное для колхоза в такой момент, после такой разрухи, которую нанесла эта война.

Кому-то из несознательных колхозников это не очень нравилось. Ибо это не позволило им иметь то, что им не положено.

Но, как мы знаем, интересы колхозников выше интересов личных. Так я сохранил для колхоза ценное. Теперь я уже не работаю по своей старости. Жена моя работает и сейчас в колхозе «Советская мысль».

Счетовод колхоза «Сов. мысль» с. Комаровка Корсунь-Шевченковского р-на.

(Стороженко)

Подпись заверена: Секретарем (подпись)

(М.П.)

[Л.350] Копия.

Свидетельство.

Гр-н с. Комаровка Олейник Яков Бак. действительно утверждает, что гр. Стороженко Андрей Федотович сдал мне в 1944 г. как председателю правления к-за «Сов. мысль» «Государственный акт на вечное пользование землей» и шнурованную книгу, которые он прятал во время немецкой оккупации, в чем и расписываюсь.

(Олейник)

(м.п.) Подтверждает Комаровский с/совет

Председатель с/совета (подпись)